

Никео-Константинопольский символ веры

**Веруем в Единственного Бога, Отца Всемогущего,
Создателя неба и земли, всего видимого и невидимого.**

И в Единственного Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца прежде всех веков, Свет от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, Отцу единосущного, через Которого все произошло; для нас людей и нашего ради спасения сшедшего с небес, и воплотившегося от Духа Святого и девы Марии и ставшего человеком; распятого за нас при Понтии Пилате и страдавшего, и погребенного, и воскресшего в третий день, по Писаниям; и восшедшего на Небеса, и сидящего по правую руку Отца; и опять грядущего со славою судить живых и мертвых; царству Которого не будет конца.

И в Духа Святого, Господа, животворящего, приходящего от Отца [и Сына], вместе с Отцом и Сыном поклоняемого и славимого, говорившего через пророков.

В единственную святую, соборную и апостольскую Церковь.

Исповедуем одно крещение для прощения грехов.

Ожидаем воскресения мертвых и жизни будущего века.

Аминь.

Никео-Константинопольский (Царьградский) символ веры был принят Церковью в 325 г. на соборе в Никее, а затем дополнен и утвержден на второй соборной встрече в 381 г. в Константинополе. Символ стал водоразделом, положившем начало процессам размежевания Восточного и Западного христианства, Православной и Католической Церквей.

Камнем преткновения стала строка «...и в Духа Святого, Господа, животворящего, приходящего от Отца и Сына...». Когда текст Символа был переведен с греческого на латинский, слово *ἐκτορεῖται* (происходит, берет начало) перевели как *procedere*, а слова эти по своему значению не вполне совпадают. Латинское *procedere* (ср. англ. *proceed*) указывает на процесс движения, не показывая, является ли источник движения первоисточником или нет, тогда как греческий глагол указывает скорее на источник, откуда движение (или явление) берет начало. В изначально предложенном тексте упоминание Сына отсутствовало. Когда составленный текст передали на согласование западному патриарху, латиняне справедливо заметили, что Святой Дух приходит не только от Отца напрямую, но и через Сына (Иоан. 20:22). И дописали слово *filioque* (от *filius*, Сын)...

Со временем, проблема *filioque* из сугубо филологической переросла в теологическую. И греки и латиняне признают в качестве Первоисточника Троицы Бога-Отца, от Которого исходят и Дух, и Сын. При этом и католические, и православные богословы согласны во мнении, что Дух может *прихо-*

дить (*procedere*) и от Отца, и от единосущного Ему Сына.

Тем не менее, спор однажды разгорелся, и не утихает по сей день.

Никео-Константинопольский символ веры признают в качестве обобщения положений церковного вероучения кроме упомянутых католиков и православных еще и многие протестантские церкви, в том числе англиканская и пресвитерианская. Протестанты принимают этот Символ в католическом варианте, то есть с *filioque*.

Главной целью подобных изложений вероучения была необходимость определить существенные положения церковной доктрины, чтобы защитить библейское учение от еретических перетолкований.

Как видим, даже такие благие намерения, как правильное изложение вероучения сатана может использовать для того, чтобы раздуть вражду между христианами; используя «праведный гнев», посорить людей и поднять брата на брата.

Митрополит Антоний Сурожский (см. его статью на с. 19), известный православный проповедник, говорил в одной из бесед: «Помню, как я был смущен, когда Николай Зернов пятьдесят лет назад мне сказал: “Вся трагедия Церкви началась со Вселенских соборов, когда стали оформлять вещи, которые надо было оставлять еще гибкими”. Я думаю, что он был прав, — теперь думаю, тогда я был в ужасе.»

История с *filioque* как нельзя лучше иллюстрирует этот тезис.

Михаил Шелудько